

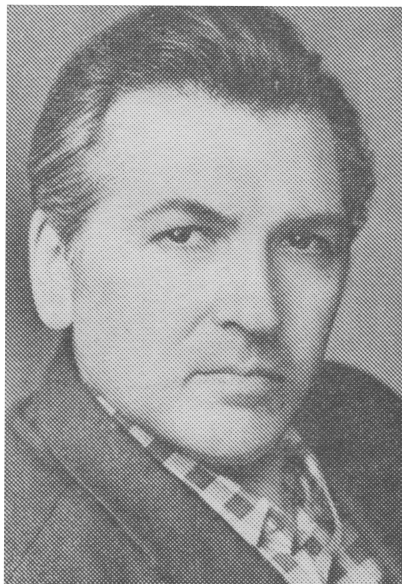
Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 3

1979

Юрий ВОРОНОВ

УЛИЦА РОССИ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 3

Юрий ВОРОНОВ

УЛИЦА РОССИ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1979

Юрий ВОРОНОВ

Юрий Петрович Воронов родился в январе 1929 года в Ленинграде, где во время Великой Отечественной войны пережил все 900 блокадных дней.

В 1952 году закончил отделение журналистики филологического факультета университета имени А. А. Жданова. Работал секретарем Ленинградского обкома ВЛКСМ, редактором молодежной газеты «Смена», главным редактором «Комсомольской правды», ответственным секретарем газеты «Правда». В последние годы — зав. корпунктом «Правды» в ГДР и Западном Берлине.

Юрий Воронов — автор нескольких стихотворных книг, член Правления Союза писателей СССР. Стихи начал писать во время войны, но к активной поэтической работе вернулся в 1965 году — после того как в журнале «Знамя» опубликовал цикл стихов «Блокадные записи». В 1968 году «Молодая гвардия» выпустила в свет первое издание его книги «Блокада». Стихи Ю. Воронова переведены на немецкий, английский, испанский, польский, болгарский, венгерский и другие языки.

Награжден орденами Ленина, «Знак Почета» и медалями. Член КПСС с 1951 года.

Юрий Петрович Воронов

УЛИЦА РОССИ

Редактор Ю. С. Новиков.

Технический редактор А. И. Евтушенко.

© Издательство «Правда». Библиотека «Огонек». 1979.

Сдано в набор 16.11.78. Подписано к печати 22.03.79. А 00641. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Новогазетная». Высокая печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,64. Тираж 100 000. Изд. № 793. Зак. № 3100. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПАМЯТЬ

Неверно,
Что сейчас от той зимы
Остались
Лишь могильные холмы.
Она жива,
Пока живые мы.

И тридцать лет и сорок лет пройдет,
А нам
От той зимы не отогреться
Нас от нее ничто не оторвет,
Мы с нею слиты
Памятью и сердцем.

Чуть что —
Она вздымается опять
Во всей своей жестокости нетленной.
«Будь проклята!» — мне хочется кричать.
Но я шепчу ей:
«Будь благословенна».

Она щемит и давит,
Только мы
Без той зимы —
Могильные холмы.

И эту память,
Как бы нас ни жгло,
Не троньте
Даже добрыми руками.
Когда на сердце камень —
Тяжело.
Но разве легче,
Если сердце — камень?..

СОТЫЙ ДЕНЬ

Вместо супа —
Бурда из столярного клея,
Вместо чая —
Заварка сосновой хвои.
Это б все ничего,
Только руки немеют,
Только ноги
Становятся вдруг не твои.

Только сердце
Внезапно сожмется, как ежик,
И глухие удары
Пойдут невпопад...
Сердце!
Надо стучать, если даже не можешь.
Не смолкай!
Ведь на наших сердцах —
Ленинград.

Бейся, сердце!
Стучи, несмотря на усталость,
Слышишь:
Город клянется, что враг не пройдет!
...Сотый день догорал.
Как потом оказалось,
Впереди
Оставалось еще восемьсот.

ТРОЕ

Я к ним подойду. Одеялом укрою,
О чем-то скажу, но они не услышат.
Спрошу — не ответят...
А в комнате — трое.
Нас в комнате трое, но двое не дышат.
Я знаю, не встанут.
Я все понимаю...
Зачем же я хлеб на три части ломаю?

* * *

Я забыть
Никогда не смогу
Скрип саней
На декабрьском снегу.

Тот пронзительный,
Медленный скрип:
Он как стон,
Как рыданье,
Как всхлип.

Будто все это
Было вчера...
В белой простыне —
Брат и сестра...

6 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА

Ни хлеба, ни топлива нет.
Улыбки
На лицах знакомых
Нелепы,
Как вспыхнувший свет
В окне
Затемненного дома.

Нелепы
И все же они
Сегодня скользили по лицам,
Как в старые добрые дни.
Мы знали,
Что это случится!

— Слыхали? —
И люди стихали.—
Вы слышали новости?
— Да!..—
И люди друг другу махали,
Забыв,
Что под боком беда.

Бежали домой,
Чтоб в волненье

Там выдохнуть эти слова:
«Москва
Перешла в наступление!..»
Поклон тебе низкий,
Москва!

* * *

Сначала
Тонкий свист над головою.
Потом удар.
Потом тебя качнет.
Потом земля
Под домом и тобою
Встревоженно ворочаться начнет.

Потом все это
Снова повторится,
И крыша
Из-под ног пойдет скользя.
И, что не страшно,
Можно притвориться,
А вот привыкнуть
Все-таки нельзя...

КРЫЛЬЯ

Если б крылья иметь!
Два могучих крыла, как у птицы,
Можно было б взлететь
И на землю Большую пробиться,
Где не взвизгнет снаряд,
Где разрывы домов не качали.
Где, забыв Ленинград,
Можно спать безмятежно ночами.

Если б крылья иметь!
Можно было б сквозь ветры и выюгу
От зимы улететь
В дали дальние, к жаркому югу,
Где опасности нет
От вечернего лунного неба,
Где встречаются рассвет
Караваями теплого хлеба.

Если б крылья иметь!..
Только если бы мы их имели,
То сказали б: «Не смей!»
Мы сказали бы так — и не смели.
Птицам плыть в облаках.
Мы же вырвали б крылья
И сами
Их сожгли на кострах
Так, чтоб враг увидал это пламя.
Если б крылья иметь!..

ВОДА

Опять налет,
Опять сирены взвыли.
Опять зенитки начали греметь.
И ангел
С петропавловского шпиля
В который раз пытается взлететь.

Но неподвижна очередь людская
У проруби,
Дымящейся во льду.
Там люди
Воду медленно таскают
У вражеских пилотов на виду.

Не думайте, что лезут зря под пули.
Остались —
Просто силы берегут.
Наполненные ведра и кастрюли
Привязаны к саням,
Но люди ждут.

Ведь прежде чем по ровному пойдём,
Нам нужно вверх
По берегу подняться.
Он страшен,
Этот тягостный подъем,
Хотя, наверно, весь
Шагов пятнадцать.

Споткнешься,
И без помощи не встать,

И от саней —
Вода
Дорожкой слезной...
Чтоб воду по пути не расплескать,
Мы молча ждем,
Пока она замерзнет...

ЯНВАРЬ СОРОК ВТОРОГО

Горят дома —
Тушить их больше нечем.
Горят дома,
Неделями горят.
И зарево над нами каждый вечер
Вполнеба,
Как расплавленный закат.

И черным пеплом
Белый снег ложится
На город.
Погруженный в мерзлоту.
Мороз такой,
Что, если б были птицы,
Они бы замерзали на лету.

И от домов промерзших, от заводов
На кладбища
Все новые следы:
Ведь людям
Без огня и без воды
Еще трудней,
Чем сквозь огонь и воду.

Но город жив.
Он выйдет из бомбежек,
Из голода,
Из горя,
Из зимы!
И выстоит...
Иначе быть не может,
Ведь это говорю не я,
А мы!

СУГРОБЫ

Иной сугроб
Страшней трясины,
Встал на пути — и прерван путь.
Что делать,
Я один не в силах
Через него перешагнуть.

Стою и жду
Под снежным воем,
Пока другой не подойдет.
Вот подошел.
Теперь нас двое.
И я себе шепчу:
— Вперед!..

ФЕВРАЛЬ

Какая длинная зима,
Как время медленно крадется!..
В ночи
Ни люди, ни дома
Не знают,
Кто из них проснется.

И поутру,
Когда ветра
Метелью застилают небо,
Опять короче,
Чем вчера,
Людская очередь за хлебом.

В нас голод убивает страх.
Но он же
Убивает силы...
На Пискаревских пустырях
Все шире
Братские могилы.

И зря
Порою говорят:
«Не все снаряды убивают...»
Когда мишенью Ленинград,
Я знаю,
Мимо не бывает.

Ведь даже падая в Неву,
Снаряды — в нас,
Чтоб нас шатало.
Вчера там
Каменному льву
Осколком лапу оторвало.

Но лев молчит,
Молчат дома,
А нам
По-прежнему бороться,
Чтоб жить и не сойти с ума...
Какая длинная зима,
Как время медленно крадется...

ЛЕНИНГРАДКИ

О. Ф. Берггольц

Что тяжелее тех минут,
Когда под вьюгой одичалой
Они
На кладбище везут
Детей,
Защитых в одеяла.

Когда ночами снится сон,
Что муж навстречу
По перрону...
А на пороге почтальон —
И не с письмом,
А с похоронной.

Когда не можешь есть и спать
И кажется, что жить не надо...
Но ты жива.
И ты опять
Идешь
На помощь Ленинграду.

Идешь, сжимая кулаки,
Сухие губы стиснув плотно.
Идешь.
И через грудь платки,
Крест-накрест
Лентой пулеметной.

В ШКОЛЕ

Девчонка руки протянула
И головой
На край стола.
Сначала думали:
Уснула.
А оказалось,
Умерла.

Ее из школы на носилках
Домой
Ребята понесли.
В ресницах у подруг
Слезинки
То исчезали, то росли.

Никто
Не обронил ни слова.
Лишь хрипло,
Сквозь метельный стон,
Учитель выдавил, что снова
Занятия
После похорон.

ИЗ ПИСЕМ НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ

Наш город в снег
До пояса закопан.
И если с крыш
На город посмотреть,
То улицы
Похожи на окопы,
В которых побывать успела
Смерть.

Вагоны
У пустых вокзалов стынут,
И паровозы мертвые молчат,
Ведь семафоры
Рук своих не вскинут
На всех путях,
Ведущих в Ленинград.

Луна
Скользит по небу одиноко,
Как по щеке
Холодная слеза.
И темные дома стоят без стекол,
Как люди,
Потерявшие глаза.

Но в то, что умер город наш,
Не верьте!
Нас не согнут
Отчаянье и страх.
Мы знаем
От людей, сраженных смертью,
Что означает:
«Смертью
 смерть
 поправ».

Мы знаем:
Клятвы говорить не просто,
И если в Ленинград ворвется враг,
Мы разорвем
 последнюю из простынь
Лишь на бинты,
Но не на белый флаг!

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ДЕРЕВЬЯ

Им долго жить —
Зеленым великанам,
Когда пройдет
Блокадная пора.
На их стволах —
Осколочные раны,
Но не найти рубцов от топора.

И тут не скажешь:
Сохранились чудом.
Здесь чудо или случай
Ни при чем...
...Деревья!
Поклонитесь низко людям

И сохраните память
О былом.

Они зимой
Сжигали все, что было:
Шкафы и двери,
Стулья и столы.
Но их рука
Деревьев не рубила.
Сады не знали
Голоса пилы.

Они зимой,
Чтоб как-нибудь согреться,
Хоть на мгновенье
Книги, письма жгли.
Но нет
Садов и парков по соседству,
Которых бы они не сберегли.

Не счесть
Погибших в зимнее сраженье.
Никто не знает будущих утрат.
Деревья
Остаются подтверждением,
Что, как Россия,
Вечен Ленинград!

Им над Невой
Шуметь и красоваться,
Шагая к людям будущих годов.
...Деревья!
Поклонитесь ленинградцам,
Закопанным
В гробах и без гробов.

ОБСТРЕЛ

Опять фанера хлопнула в окне,
От взрыва дом привычно закачался.
Ребенок улыбается во сне.
А мать ему поет
О тишине,
Чтоб он ее
Потом не испугался.

КАМНИ

Нам пишут:
«Будьте стойки, как гранит!..»
Но память
Этих строк не сохранит.

Не потому,
Что стертые слова.
Не потому,
Что стоптано сравненье.
Бывает,
И осенняя трава
В глаза ударит
Свежестью весенней.
Не потому,
Что к слову здесь мертвы, —
Нужней, чем тут,
Оно нигде не будет!
Но без людей
И каменные львы,
И мрамор зданий,
И гранит Невы
Не поднимали б к солнцу головы...

...О, камни!
Будьте стойкими, как люди!

27 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА

За залпом залп.
Гремит салют.
Ракеты в воздухе горячем
Цветами пестрыми цветут.
А ленинградцы
Тихо плачут.

Ни успокаивать пока,
Ни утешать людей не надо.
Их радость
Слишком велика —
Гремит салют над Ленинградом!

Их радость велика,
Но боль

Заговорила и прорвалась:
На праздничный салют
С тобой
Пол-Ленинграда не поднялось.

Рыдают люди и поют,
И лиц заплаканных не прячут.
Сегодня в городе
Салют!
Сегодня ленинградцы
Плачут...

* * *

В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?..
Нам в сорок третьем
Выдали медали
И только в сорок пятом
Паспорта.

И в этом нет беды.
Но взрослым людям,
Уже прожившим многие года,
Вдруг страшно оттого,
Что мы не будем
Ни старше, ни взрослее,
Чем тогда.

* * *

Время — лекарь,
И эту роль
Повторяет оно со всеми.
Но бывает
Людская боль,
Над которой
Не властно время.

Вот опять —
Через столько лет! —

Эта женщина
В День Победы
Не венок,
 не цветы,
 а хлеб
Принесла
На могилу деда...

* * *

Мы никогда
Так много не молчали,
Не думали так много
Никогда,
Как той зимой
Потерь,
 тревог,
 печали,
Где новый день,
Как новая беда...
К чему ж упрек,
Что слишком поспешил
И трудное решение принял сразу?
Я, может быть,
Уже тогда решил,
Как поступить сегодня
Был обязан...

* * *

О блокадниках павших
Скорбя,
Забывать их законов
Не будем:
Если горе —
Прятать в себя,
Если радость —
Нести на люди!..

* * *

Мы вышли
Из блокадных дней
Суровой, строже, суше,
Сердца ж
Не стали холодней,
Черствей
Не стали души.

И не тревожьтесь,
Что подчас,
Когда нас что-то горбит,
Вдруг полыхнет
Из наших глаз
Отсвет
Блокадной скорби.

И вы не ставьте
Им в вину,
Когда мрачнеют молча:
Глаза,
Прошедшие войну,
Живут
Трудней и зорче...

* * *

Опять война,
Опять блокада...
А может, нам о них забыть?

Я слышу иногда:
«Не надо,
Не надо раны беречь.
Ведь это правда, что устали
Мы от рассказов о войне
И о блокаде пролистали
Стихов достаточно вполне».

И может показаться:
Правы
И убедительны слова,
Но даже если это правда,

Такая правда
Не права!

Чтоб снова
На земной планете
Не повторилось той зимы,
Нам нужно,
Чтобы наши дети
Об этом помнили,
Как мы!

Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь это память — наша совесть.
Она,
Как сила, нам нужна...

УЛИЦА РОССИ

1

На улице Росси
Строй желтых фасадов
Подчеркнуто четок,
Как фронт на парадах.
Она небольшая —
И нет ленинградца,
Который сумел бы
На ней затеряться.

Здесь фильмы снимают
При ясной погоде,
Туристы,
Беседуя с гидами, бродят.
Проходят девчонки
С походкой приметной,
Поскольку тут —
Здание школы балетной.

Я тоже
На улице Росси бываю.
Но мне здесь невесело:
Я вспоминаю.

Дворец пионеров,
 Что с улицей рядом,
 Стал новой больницей
 В начале блокады.

Сюда привозили
 Из разных районов
 И тех, кто спасен был
 В домах разбомбленных,
 И тех, кто контужен был
 Вражьем снарядом,
 И тех, кто в дороге
 От голода падал...

Я помню,
 Как плотно стояли кровати
 В промерзлой насквозь,
 Полутемной палате.
 Мне видятся
 Скорбные лица лежащих
 И слышится голос соседа
 Все чаще.
 Он, если мы
 Долго и мрачно молчали,
 Читал нам «Онегина»:
 — Чтоб не скучали...

Мы верили твердо:
 Вот-вот — наступленье,
 Когда обсуждали
 Его предложенье,
 Что в первую пятницу
 После победы
 Все
 В полдень
 На улицу Росси
 Приедут!

Сомненья
 По поводу места для сбора
 Он тут же развеял
 Без долгого спора:
 — До Росси

Не только легко добираться:
На улице этой
Нельзя затеряться!..

А вскоре —
В метель, что гудела, бушуя,—
Его отправляли
На землю Большую.
Он еле дышал,
Но, прощаясь, нам бросил:
— Пока...
Не забудьте
Про улицу России...

3

Я в пятницу —
Вслед за победным салютом —
На встречу приехал
Минута в минуту.
Я ждал.
Я в надежде к прохожим бросался.
Но снова и снова
Один оставался.

Забить уговор?
Не могли!
Неужели?..
А может быть,
С фронта прийти не успели,
А кто-то
Оставить работу не может?..

Но в сорок шестом
Повторилось
Все то же...

4

Все то же...
А время без усталости мчится.
Я в чудо не верю,
Его не случится.
Но в первую пятницу
После Победы

Я снова
На улицу Росси поеду.
Мне надо
С друзьями тех лет
Повидаться...

На улице этой
Нельзя
Затеряться...

ВЫСОТА

Я хотел в восемнадцать,
Как багряный восход,
Каждый день подниматься
До заветных высот.

А теперь, через годы,
Не впадая в печаль,
Понял: мне за восходом
Не под силу. А жалы!

С ним тягаться мы слабы.
Но не брошу мечту:
Раз подняться хотя бы
На свою высоту!

* * *

Среди всего,
Что в нас переплелось,
Порой самодовольство нами правит.
Казаться или быть? —
Вот в чем вопрос,
Который время
Человеку ставит.

Считаться кем-то или кем-то быть?
Стать смелым
Или делать вид, что смелый?
Ты жертвовал,
творил,
умел любить

Или об этом лишь вещал умело,
Робея самому себе признаться,
К чему стремишься:
Быть или казаться?

Что стоит жизнь
В довольстве и покое,
Когда ее пытаются лепить,
Фальшивя перед делом иль строкою?..
Легко казаться —
Очень трудно — быть!

* * *

Когда черемуха цветет,
Бросая вызов
Майским зорям,
В Неву
Вступает ледоход:
Он с Ладоги
Несется к морю.

Посмотришь
В бурный бег реки —
И в льдинах,
В контурах их странных
Узнаешь вдруг
Материки,
Земные острова и страны.

Вода весенняя кипит,
И льдины
Друг о друга бьются:
Одни тверды,
Как древний щит,
Другие
Хрупкие, как блюда.

Они растают,
Пропустив
К морским просторам тех,
Кто крепче...

...Крик чаек, может быть,
О них,
Но им от этого
Не легче.

ВОСХОД НА НЕВЕ

Проснись скорее и замри,
Пока все это
Не поблёлкло..
Осколок
Утренней зари
Ударил
По оконным стеклам.

Их мягкий звон
Не повторишь:
Так на ветру
Поют ограды...
Все ярче
Из-за синих крыш
Восход
Над спящим Ленинградом.

Он зажигает купола,
К фасадам
Краски подбирает.
Они другие,
Чем вчера:
Восход
Себя не повторяет.

Как точно
Кисть его легла!..
И взора
Отвести не в сила
Адмиралтейская игла
От петропавловского шпиля.

А по Неве
Идут суда,
Тяжелый груз
взвалив на плечи.

Им стелет
Сонная вода
Дорожки алые
Навстречу.

А по Неве
Плывут плоты,
Буксиры
 с чайками на трапах.
И разведенные мосты
Над ней стоят
На задних лапах.

Потом,
Когда ты подойдешь
К окну,
Где вечер
День сменяет,
Увидишь:
Город вновь хорош!
Но красота — уже иная.

МОЦАРТ

Ветер выл,
Срывая с петель двери,
Бил по окнам
Дождиком косым...
Моцарт был доволен,
Что Сальери
В эту непогоду
Рядом с ним.

Но когда
Поспешною рукою
Тот в бокалы
Разливал вино,
Показалось Моцарту такое,
Что в камине
Стало вдруг темно.

Может быть,
Бокал —
В одно из окон
Или ненароком уронить?..

Моцарт залпом выпил.
Разве мог он
Дружбу
Подозреньем осквернить!

МАСТЕР

Сказали:
— На улице этой
Живут и творят мастера!..
Мы, следуя добрым советам,
Сюда поспешили
С утра.

Товар,
Что заполнил прилавки,
Не мог
Не рождать интерес:
Тарелки, подковы, булавки,
Подносы —
И с чернью и без.

Но улица
Вызвала споры:
Зачем
У таких мастеров
Повсюду глухие заборы,
Особенно между дворов?

Один
Нам открылся в беседе,
Локтем опершись на засов:
— Заборы у нас
От соседей,
Чтоб зря
Не совали носов.

Хотя он был внешне, как витязь,
Торгаш
Так и лез из нутра...
Я думал:
«Друг друга таитесь —
Какие же вы
Мастера!..»

Спасибо, что были ворота
Открыты
У дома в конце,
Где старый чеканщик работал,
С улыбкой
На смуглом лице.

Давал, не боясь, он
Ответы
Любому,
Кого с ним свело...
Искусство
Не прячет секретов.
Секреты таит
Ремесло.

* * *

В каждом возрасте — мера другая
Протяженности дней и минут.
Если юн ты,
То время шагает
Не спеша,
Как усталый верблюд.

Повзрослел —
И теперь все быстрее
Дни проносятся — только гляди!
Но ценить их еще не умея,
Ты надеешься:
Все впереди!

А когда
Стали годы, как бремя,
И в лицо потянуло зимой,
Разгоняется бешено время —
Как бегун
На последней прямой.

Не удержишь его, не раздвинешь,
Сколько б дел
Ни закончил в пути!
За каким поворотом твой финиш
Не узнать,
Чтоб его обойти.

* * *

Нежданно —
Подобно весеннему грому —
Слепящей
 ликующей
 солнечной вьюгой
Приходит мгновенье,
Где двух незнакомых
Как будто бросает
Навстречу друг другу.

Их руки
Еще ничего не сказали,
И губы
Еще ни о чем не просили.
Они говорили одними глазами,
Однако
О скольком уже расспросили!

И если потом
Обретают значенье
Слова и понятия, что знает не каждый,
Виной — этот вечер
И лиц их свеченье,
Которое
В жизни быть может
Однажды.

КЛОУН

Каждый номер
Так откован,
Что в восторг приводит всех.
На арене цирка — клоун,
У него
Большой успех.

Как забавен!..
Смех в избытке —
И в начале и в конце.
Всем
Видны его улыбки,
Пот не виден
На лице.

* * *

Убивали любовь,
Убивали в четыре руки...
Били с разных сторон,
Состязаясь в сноровке и силе.
Им шептала любовь:
— Ах, какие же вы дураки!..
Но они ей в ответ
За ударом удар наносили.

Убивали любовь...
И однажды любовь умерла.
Ей бы их обмануть:
Притвориться убитой —
И только.
Но любовь, как любовь:
Притворяться и лгать не могла.
Да и им поначалу
Не жаль ее было
Нисколько.

Убивали любовь...
На поминках его желваки
Заходили на скулах,
А взгляд ее
Слезы затмили.
И — тайком друг от друга —
Все те же четыре руки
Поливают отныне цветы
У нее на могиле.

* * *

Морской песок —
Всегда морской песок.
Руда всегда останется рудой.
А человеку в жизни
Нужен срок,
Чтоб, поднимаясь, стать
Самим собою.

Чтоб все гнилое,
Бросив в переплав,

В себе самом покончить
С тихой властью
Полулюбовей или полуправд,
Полугоренья или полустрасти.

Чтоб знать,
Провозглашая «да» и «нет»
И принимая сложные решения,
Бойцом
Нетрудно выйти из побед.
Ты им останься
После поражения!

* * *

Прожил, будто прошагал
Дачником по полю:
Ничего не потерял,
Не нашел — тем боле.

И особенно умел —
С совестью не споря —
Избегать нелегких дел
И чужого горя.

Никакой ему вины
Не предъявишь прямо,
Что виски без седины
И душа — без шрамов.

Но теперь, когда зима
Над его фасадом,
Он — растерянность сама
И сама досада.

Все сейчас тому виной:
Праздник у соседа,
Звон гитары за стеной,
Во дворе беседа.

В чьих-то окнах поздний свет,
Детский смех у двери...
Жизнь не кончилась, да след
В ней давно утерян.

С кем шагал, помог кому,
Выбежав навстречу?..
Страшно даже самому,
Что ответить нечем.

У КОСТРА

Трое нас. К исходу дня
Подытожил,
Что двоим не до меня:
Ну и что же?

Отойду от них к огню —
Не в обиде.
Может, что-то сочиню,
Если выйдет.

Буду ветки в дым кидать —
Тоже дело:
Кто-то должен наблюдать,
Чтоб горело...

* * *

Мы зависть,
Подхалимство,
Ложь
Еще не вывели за двери,
Они живучие.
И все ж:
Хороших больше!
В это верю.

Ты,
Глядя на людей иначе,
Твердишь упрямо:
— Пополам!..
Что ж,
От тебя зависит, значит,
В какую сторону —
Весам!

* * *

Я запомню надолго
Ваш город:
Он красив и не зря знаменит.
Но не надо
Напрасных укоров,
Что стихом он во мне
Не звенит,
Что, рассветные зори встречая,
Я о них
Говорить не готов.
Мне Невы не хватает и чаек,
Разведенных под утро мостов,
Переключки
Охрипших буксиров
И чугунных крылатых оград.
Белых улиц —
С таинственной силой
Возвращать человека назад.

Песни новые их и приветы
Я привез, как подарок, сюда...
Не ругайте приезжих поэтов,
Что в сердцах их —
Свои города.

* * *

Пусть другие судачат:
Без удачи — беда.
Я не верю в удачу
Без большого труда.

Даже строчке не верю —
Стихотворной, моей,
Если я в полной мере
Не намучался с ней.

Мне опять не до смеха,
Стих упряма, как всегда.
Не желай мне успеха,
Пожелай мне труда!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Память	3
Сотый день	4
Трое	4
«Я забыть никогда не смогу...»	5
6 декабря 1941 года	5
«Сначала тонкий свист...»	6
Крылья	6
Вода	7
Январь сорок второго	8
Сугробы	9
Февраль	9
Ленинградки	10
В школе	11
Из писем на Большую землю	11
Ленинградские деревья	12
Обстрел	13
Камни	14
27 января 1944 года	14
«В блокадных днях...»	15
«Время — лекарь...»	15
«Мы никогда так много не молчали...»	16
«О блокадниках павших...»	16
«Мы вышли из блокадных дней...»	17
«Опять война, опять блокада...»	17
Улица Росси	18
Высота	21
«Среди всего, что в нас переплелось...»	21
«Когда черемуха цветет...»	22
Восход на Неве	23
Моцарт	24
Мастер	25
«В каждом возрасте — мера другая...»	26
«Нежданно — подобно весеннему грому...»	27
Клоун	27
«Убивали любовь...»	28
«Морской песок — всегда морской песок...»	28
«Прожил, будто прошагал...»	29
У костра	30
«Мы зависть...»	30
«Я запомню надолго...»	31
«Пусть другие судачат...»	31

Книголюбы,
участвуйте
во Всероссийской
книжной лотерее!

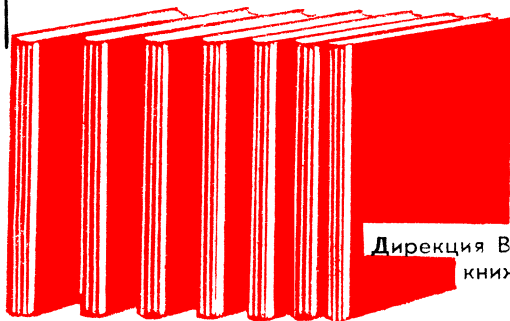
Стоимость билета — 25 копеек.

Вероятность стать обладателем «счастливого» билета достаточно велика, так как 90% от стоимости выпущенных лотерейных билетов направляется на выигрыши.

Сумму выигрыша вы узнаете, вскрыв запечатанный билет.

Каждый третий билет — выигрышный!

На сумму выигрыша вы можете приобрести книгу, альбом, эстамп, набор художественных открыток или грампластинок и др. товары из ассортимента книжного магазина или киоска.

Дирекция Всероссийской
книжной лотереи